

ВЕСТНИК Тамбовского университета

**ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Выходит 12 раз в год
Основан в 1996 г.

**Выпуск
7 (87)**

2010

Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2010. – Вып. 7 (87). – 328 с. – ISSN 1810-0201.

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

УДК 947+92

Г.Р. ДЕРЖАВИН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

© Аркадий Юрьевич Минаков

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории; зональная научная библиотека
Воронежского государственного университета, директор, e-mail: minak.arcady2010@yandex.ru

В статье рассматривается интеллектуальная и политическая биография Г.Р. Державина как представителя раннего русского консерватизма в царствование Александра I. Анализируется политическая роль Державина в первые годы XIX в., его проект реорганизации Сената, позиция по польскому и еврейскому вопросу, роль в создании и деятельности первого литературного объединения русских консерваторов – «Беседе любителей русского слова».

Ключевые слова: Г.Р. Державин; русский консерватизм; польский и еврейский вопросы; «Беседа любителей русского слова».

О Гавриле Романовиче Державине написано много. Но писали и пишут о нем, по понятным причинам, почти исключительно как о великом русском поэте, в гораздо меньшей степени – как о государственном деятеле. О Державине-консерваторе специального обобщающего исследования пока не было. Данная статья призвана заполнить эту академическую лауну.

Биография Державина хорошо известна, поэтому ограничимся перечислением ее основных вех (по сей день непревзойденной по богатству фактического материала биографией Г.Р. Державина является книга Я.К. Грота «Жизнь Державина» [1]). Он родился 3 июля 1743 г. в Казани в небогатой дворянской семье. Статус Державина был сравнительно низок, поэтому его карьера долго не складывалась. Известно, что он в течение десяти лет дождался первого офицерского чина. Его судьба резко изменилась после того, как он принял активное участие в подавлении пугачевского бунта. Тогда началась его государственная карьера, вехами которой, наряду с прочим, была служба олонечником, а в 1785 г. – тамбовским губернатором. Особенно быстро его карьерный рост происходил в 1890-е гг. С 1791 г. Державин был назначен статс-секретарем Екатерины II, ему было поручено соблюдение законности

решений Сената; с 1783 г. он уже становится сенатором. В 1794 г. Державин был назначен президентом Коммерц-коллегии и присутствующим в Комиссии о коммерции. В 1800 г. он был назначен в Комиссию законов, выполнял поручения Павла I, был назначен вновь президентом Коммерц-коллегии, затем государственным казначеем, членом Совета при Высочайшем дворе.

Такова внешняя канва его чиновной биографии, однако наиболее важные для раскрытия заявленной темы события жизни Державина произошли уже в царствование Александра I. После убийства Павла I Державин потребовал расследования обстоятельств его смерти, из-за чего он временно был уволен от всех должностей, кроме сенаторской. Он был одним из тех, кто призывал императора вернуться к временам Екатерины и выполнить обещание, данное при восшествии на престол [2]. После появления указа от 5-го июня 1801 г., который предписывал Сенату подать мнение об определении его прав и обязанностей, Державин представил свое «Мнение о правах, преимуществах и существенной должности Сената». Он считал, что к началу XIX в. Сенат потерял значение как главный орган государственного управления, и поэтому его необходимо реформировать «для восстановления силы и существенной

должности сего правительства» [3]. Державин полагал необходимым сохранить полномочия императора и ослабить его министров, подчинив их Сенату. Говоря о политическом устройстве государства, он заявлял, что «управлять Россиею при ее пространстве, разных народах в ней обитающих, никто не может быть лучше как царь самодержавный, но царствующий по законам, – как монарх, коего единая, сообразная тем же законами воля исполняется скоро и общим повиновением содержит согласие и целостность государства» [3, с. 341]. Таким образом, Державин декларировал незыблемость самодержавной власти и вместе с тем необходимость подчинения ее законам. Центральной идеей проекта Державина была передача Сенату законодательной власти. При этом право законодательной инициативы оставалось за императором, причем принять закон Сенат мог только в отсутствие императора, но и в этом случае закон должен был быть одобрен им по возвращении. Сенат Державин предлагал сделать выборным органом. Все законопроекты и назначения должностных лиц должны проходить через Сенат. Сенаторы наделялись правами генерал-прокурора для наблюдения за вверенной губернией, т. е. осуществляли контроль над системой исполнительной власти в стране. Сенат каждый год должен был проверять отчеты государственного казначея. Все эти меры заставили бы монарха действовать в рамках законов. Предлагая меры, которые могли бы быть интерпретированы как либеральные по форме, Державин наполнял их консервативным содержанием, поскольку они предназначались исключительно для ограничения либерально-реформаторских устремлений «молодых друзей» Александра I [4] и, конечно, не с целью ограничить власть монарха. Он хотел быть уверенным в том, что император не будет изолирован от умонастроений благородного сословия его фаворитами и министрами. Инициатива Державина имела исключительный в истории раннего русского консерватизма характер, поскольку для русских консерваторов даже более позднего времени идея ограничения власти самодержца во имя сохранения самодержавия была категорически неприемлема.

Державин стоял вне наиболее влиятельных группировок, его положение во власти

целиком определялось отношением к нему императора. 8 сентября 1802 г. был обнародован императорский манифест об учреждении министерств. Державин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. На этих постах Державин становится одним из ярких выразителей и генераторов консервативно-националистического дискурса того времени. Первым серьезным конфликтом Державина со значительной частью министров и членов Сената стало дело польского графа С.О. Потоцкого. Формально речь шла о сроках военной службы дворянства. Военный министр С.К. Вязмитинов обратил внимание Александра I на то обстоятельство, что многие унтер-офицеры из дворян, особенно польского происхождения, поступая на военную службу, сразу же подают в отставку. 5 декабря 1802 г. вышел указ, в котором предписывалось дворян, которые не дослужили до обер-офицерского чина, увольнять не ранее, чем через 12 лет службы. Однако спустя несколько дней после его выхода член Сената Потоцкий заявил, что этот указ унижает русское дворянство и предложил Сенату воспользоваться дарованным Александром I правом входить к императору с представлением в случае, когда какой-либо указ окажется сопряженным «с великими неудобствами в исполнении». Сенат принял сторону Потоцкого. Против этого решения резко выступил Державин, который даже заболел «от чрезвычайной чувствительности и потрясения всех нерв, – что российский Сенат не токмо позволял унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идет против Государя и тем самым кладет начальное основание несчастию государства, допуская засеять семя мятежей или революций, подобно французской» [5]. Потоцкий, с точки зрения Державина, представлял интересы поляков, которые замыслили «расстроить нашу военную силу, дабы изнежив дворянство, сделать его неспособным к военной службе, следовательно, к защите отечества; ибо без офицеров и генералов-дворян военная наша сила исчезнет, а мы рано или поздно таковым ухищрением будем добычею врагов наших» [5]. Дворянское общество резко отрицательно восприняло позицию Державина: «знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло его (мнение Потоцкого. – А. М.) с восхищением, так что в

многолюдных собраниях клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкого, почитая его покровителем российского дворянства и защитником от угнетения; а глупейшие или подлеишие души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова яко злодеев выставить на перекрестках, замарав их дерьмом для поругания, не проникая в то, что попущением молодого дворянства в праздность, негу и своеволие без службы подкапывались враги отечества под главную защиту государства» [6]. Александр I в конечном счете принял точку зрения Державина.

Еще одним острым конфликтом из-за польского вопроса стало столкновение Державина с В.П. Кочубеем, министром внутренних дел, который выступил с предложением позволить иезуитам распространять католичество на территории Российской империи, в частности вести миссионерскую деятельность среди мусульманских и языческих народов Астраханской, Оренбургской губернии и Сибири. Державин возражал на это, «что довольно терпимости вер, какова она существует теперь в Империи, а делать католическую господствующую неприлично достоинству Империи, что может потрясти дух народа и произвести со временем мятежи и возмущения, каковы были во Франции и в Немецкой земле; но лучше бы приложить старание о посылке миссионеров к иноверным идолопоклонническим и магометанским народам, дабы их привести в религию Греческого исповедания, как делал царь Иван Васильевич, и приучить их к хлебопашеству и прочим обычаям и нравам коренных русских подданных, что бы умножило силу и твердость Империи» [5, с. 782]. В итоге Державин добился отклонения инициативы Кочубея.

Одной из достаточно острых проблем начала царствования Александра I был еврейский вопрос, который затрагивал интересы той части еврейства, которая проживала на территориях, вошедших в состав Российской империи после разделения Польши. Державин принял самое активное участие в попытках его разрешения, причем его позиция имела бесспорную националистическую и консервативную окраску. Еще при Павле I в 1880 г. он был командирован в Белоруссию для того, чтобы, с одной стороны, принять меры против голода, а с другой – изучить еврейский вопрос на месте. По итогам поезд-

ки Державиным была составлена записка «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и прочем» [5, т. 7].

В ней Державин изобразил евреев главными виновниками бедственного положения крестьянства и предлагал выгнать их из деревень и запретить заниматься продажей зерна, винокурением и брать помещичьи имения в аренду. Впрочем, он отмечал, что в тяжелом экономическом положении крестьян виноваты не только евреи, но и помещики, которые недостаточно заботятся о благосостоянии своих крестьян. Державин по разным причинам игнорировал то обстоятельство, что и евреи, и помещики действовали так, как вынуждала их к этому сложившаяся система социально-экономических отношений, при которой помещикам было выгодно отдавать свои деревни в аренду или же свою монополию на винокурение на откуп евреям.

Державин также давал резко отрицательную оценку еврейской культуре и обычаям, внутренней организации еврейской общины, системе религиозного еврейского образования, воспитывающего, с его точки зрения, крайне негативное отношение к христианству. Так, он заявлял, что «раввины, наполняясь исступлением древних их талмудов <...> поощряют простой народ к одним пустым обрядам и ненависти к другим народам <...> возвысилась и утвердилась между ними и прочими неединоверными с ними, так сказать, неразрушимая стена, которая, окружая их мраком, содержит в твердом единстве и отделении от всех обитающих с ними <...> поощряют и наставляют обманам <...> они почитают себя единственно истинными богочтителами, а о всех других неединоверных с ними думают уничижительно, признавая их за язычников и идолопоклонников <...> думают только о настоящем, не заботясь нимало о будущем; а потому ни в каком случае не мучаются совестью, пускаются на все. Честь у жида ничего не стоит. Себя они чтут пред всеми другими превосходящими» [7]. Говорилось в записке Державина и о «христианских кровопролитиях», которые, впрочем, он считал делом рук «фанатиков» [7, с. 152-153], но при этом заявлял, что еврейская община их защищает.

Основной практический вывод Державина заключался в том, чтобы полностью ассимилировать российское еврейство. Для этого им предлагался ряд радикальных мер, осуществление которых должен был осуществлять назначенный императором протектор, представлявший интересы еврейской общины перед императором и в Сенате. Прежде всего, Державин предлагал уничтожить кагалную организацию («кагалы опасный *status in statu*, которых благоустроенное политическое тело терпеть не должно» [7, с. 158]), чтобы у еврейской общины не было возможности сопротивляться намечаемым реформам. В его проекте предполагалось провести перепись, после которой евреи должны были быть поделены на четыре сословия: купцов, городских мещан, сельских мещан и свободных поселян. Все желающие евреи могли покинуть Российскую империю, но лишь после выплаты большого налога. Значительная часть еврейства должна была войти в сословие сельских мещан или свободных поселян, основным занятием которого должно было стать скотоводство и земледелие, оно наравне с крестьянством платило бы подушную подать. Контакты между христианским и еврейским населением должны были максимально ограничиваться: евреи должны были проживать на отдельных от христиан улицах. При этом государство и владельцы земель, на которых должны были проживать евреи, обязывались гарантировать им статус свободных людей. Большая же часть евреев переселялась в качестве свободных поселян для колонизации Новороссии. Средства на все эти мероприятия должны были быть получены от конфискации имущества тех евреев, которые нажили его на производстве и продаже спиртного. Всех нуждающихся евреев до окончания переселения предполагалось высылать на трепку льна и пеньки в селениях и на рытье каналов.

Далее Державин предлагал меры, ставящие своей целью ни много ни мало изменить мировоззрение, обычаи и традиции еврейства, прежде всего – приобщение к христианской культуре через изменение в системе еврейского образования, придав ей светский характер. Кроме того, им планировалось введение жесткой цензуры на иудейские религиозные книги. Евреи должны были изменить внешний облик и перестать носить на-

циональную одежду, за исключением духовных лиц. Следует особо подчеркнуть, что ассимиляционный проект Державина опирался на проекты еврейской реформы, ранее выдвигавшиеся порвавшими с иудаизмом и перешедшими в христианство Я. Франком и Н. Ноткиным.

Записка Державина была передана еще по распоряжению Павла I на рассмотрение Сената, а уже при новом императоре в конце 1802 г. был учрежден для рассмотрения еврейского вопроса особый комитет, куда вошли граф В.А. Зубов, сенатор С.О. Потоцкий, товарищ министра иностранных дел А. Чарторыйский, министр внутренних дел В.П. Кочубей и Державин.

Реакция еврейской общины на начало деятельности комитета, если верить Державину, была чрезвычайно острой. В своих записках он утверждал, что еврейские старейшины минской общины осуществили сбор денег еврейского населения губернии на подкуп чиновников. Был собран миллион рублей и в Петербург были направлены особые представители, которые должны были приложить все усилия к тому, чтобы Державин был выведен из состава комитета. По всем кагалам на Державина был наложен «херем», т. е. религиозное проклятие, и постановлено сделать все возможное для смещения его с поста генерал-прокурора, а если это окажется невозможным, то «хотя посягнуть на его жизнь, на что и полагают сроку до трех лет» [5, с. 249-250]. Державин утверждал, что ему пытались дать взятку в размере 250 тыс. руб. за то, чтобы он не настаивал на своем мнении. Обо всем этом он поставил в известность Александра I. На вопрос о том, надо ли ему принять предлагаемую взятку, Александр «в замешательстве отвечал: «Погоди, я тебе скажу, когда надобно будет делать» [5, с. 250]. После этого Державин «по связи и дружбе» пересказал обстоятельства дела графу В.А. Зубову. В своих «Записках» Державин утверждает, что Зубов был «в крайней связи с господином Сперанским, бывшим тогда директором канцелярии внутреннего министерства г. Кочубея, которого он водил за нос и делал из него чего хотел. Сперанский совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме» [5, с. 251]. О Перетце имеется

фактическая справка в книге Д. Клиера: «Богатый купец и подрядчик из Белоруссии Абрам Перетц <...> был связан с Комитетом. Д. Фишман назвал его «еврейским помощником Сперанского». Перетц занимался налоговыми откупами, подрядами в кораблестроении, соляной торговле и был в Петербурге человеком известным <...> Родной дом Перетца в Могилеве являлся центром для финансовой и экономической верхушки белорусского еврейства <...> Сын Перетца, Григорий, был замешан в восстании декабристов 1825 г.» [8].

В результате, «вместо того, чтоб выйти от государя какому строгому против прониоров евреев приказанию, при первом собрании Еврейского комитета открывалось мнение всех членов, чтоб отставить винную продажу в уездах по местечкам по-прежнему у евреев; но как Державин на сие не согласился, а граф Зубов в присутствии не был, то сие дело <осталось в нерешении>. Государь между тем сделался к Державину от часу холоднее и никакого по вышесказанному Гуркину письму не токмо распоряжения, ниже словесного отзыва не сделал» [6, с. 251]. В изложении Державина получалось, что члены Комитета, включая Сперанского, поддались известному «искушению».

Значение «Мнения» Державина в исторической литературе оценивается по-разному. К примеру, израильский исследователь Дж. Клиер называет этот документ «грандиозным» и утверждает, что он послужил источником «информации, пусть и неточной, для реформаторов последующих поколений» и «катализатором важной попытки преобразования при Александре I» [8, с. 189-190]. Главное, утверждает Клиер, что именно Державин был первым государственным сановником высокого ранга, который подобным образом сформулировал «еврейский вопрос» в России [8, с. 192]. Подобный взгляд на евреев «преобладал в официальном подходе и общественном мнении в течение всего XIX столетия» [8, с. 192-193]. Согласно этому взгляду, «евреи рассматривались как паразиты и эксплуататоры, от которых следовало защищать население, в первую очередь сельское» [8, с. 193]. Клиер пишет, что «будущие поколения юдофобов» черпали у Державина самую изощренную польскую юдофобию с ее историями про ритуальные

убийства и про то, как Талмуд внушает евреям ненависть к христианам. Люди просвещенные не обращали внимания на эти его идеи, но они все равно подспудно продолжали существовать просто благодаря тому, что их подтвердило такое авторитетное лицо, как Державин [8, с. 194]. Безусловно, подобные воззрения Державина оказали известное влияние на формирование юдофобии в традиционном консервативном дискурсе, хотя, как нам представляется, роль Державина в этом не следует преувеличивать, идейных источников консервативного антииудаизма было несколько, причем гораздо более масштабных, достаточно указать на соответствующую католическую традицию, о которой мимоходом упоминает Клиер, или обширную немецкую протестантскую литературу.

На рассмотрение еврейского комитета помимо собственно еврейских проблем передано было еще дело, касавшееся положения части населения западного края, чиншевой шляхты, или т. н. «панцырных бояр», лично свободных, среди которых было много безземельных, живших на помещичьих землях и плативших оброк польским дворянам. Державин считал их послушным орудием польской шляхты, которую «панцырные бояре» поддерживали во время выборов на сеймах, поэтому он разработал проект о «выселении их на свободные земли в поволжские губернии и Сибирь и образование из них ландмилицких полков» [9]. Никаких последствий записка Державина не имела. Дальнейшие события подтвердили известную справедливость его опасений, поскольку из «панцырных» дворян формировались полки, сражавшиеся против России на стороне Наполеона.

Державин резко отрицательно оценил такую либеральную меру, как издание закона о вольных хлебопашцах (1803 г.), поскольку считал, что от освобождения крестьян «в нынешнем состоянии народного просвещения не выдет из того никакого блага государственного, а напротив того вред, что чернь обратит свободу в своевольство и наделает много бед» [1, с. 816]. Он утверждал, что «хотя, по древним законам права владельцев на рабство крестьян нет, но политические виды, укрепив крестьян земле, тем самым ввели рабство в обычай. Обычай сей, утвержденный временем, соделался столько священным, что прикоснуться к нему без вред-

ных последствий великая потребна осторожность» [1, с. 823]. Державин также считал, что указ не вносит в законодательство ничего нового, т. к. и раньше крестьян отпускать не запрещалось, кроме того, он полагал, что помещики в качестве выкупа будут требовать слишком много, и, следовательно, крестьяне не смогут заплатить всю сумму сразу, и в результате по поводу неустоек в платежах будут вестись тяжбы. Помимо всего прочего крестьяне, получив свободу, перестанут нести повинности, и от этого будут страдать интересы государства, поэтому лучше полиции, чем помещики, государству не найти, поскольку они являются наилучшими полицмейстерами в своих селениях.

Позиция Державина вызвала крайнее недовольство императора. Между тем Державин не столько защищал крепостное право как нерушимый принцип, сколько, как и некоторые другие консерваторы (например, Н.М. Карамзин), считал вопрос об освобождении крестьян несвоевременным. В одном из вариантов своего завещания, который был написан им уже в отставке, Державин выражал желание, чтобы все его крепостные люди и крестьяне на основании указа 1803 г. были обращены в вольные хлебопашцы.

В начале октября 1803 г. Александр I опубликовал рескрипт, в котором под предлогом нарушений в ведении дел в канцелярии министра юстиции Державин освобождался от занимаемого им поста министра юстиции и генерал-прокурора, при этом оставался членом Сената и Государственного Совета. Во время личной встречи с Александром I на вопрос Державина о причинах немилости император заявил: «Ты слишком ревностно служишь» [5, с. 821], после чего всплывший Державин отказался от присутствия в Совете и Сенате и просил его полностью уволить от службы. 7 октября 1803 г. последовал именной указ о его увольнении, положивший конец карьере Державина как государственного деятеля. Главной причиной своей отставки он считал происки врагов, которым удалось настроить Александра I против него. Прежде всего, он считал таковыми «молодых друзей» императора (Негласный комитет), которых он называл не иначе как «якобинской шайкой» [5, с. 812], пропитанной «французским и польским конституционным духом» [5, с. 787].

В историографии существует мнение, что отставка Державина была результатом борьбы «русской» и «польской» «партий» и победы последней. Так, В. Ратч утверждал: «Державин остановил миссионерство иезуитов и пропаганду латинства в империи, содействовал к задержанию попытки помилованных польск. мятежников – за службу, заменяющую штраф, быть награжденными чином, отстоял права самодержавной власти против первой попытки Потоцкого ввести в самодержавную Россию чуждые обычаи Речи Посполитой, поднял вопрос о евреях, противный панским выгодам, и наконец поднял вопрос о выселении безземельной шляхты из Западного края. Державин ясно показал польской партии, что, проникая ее замыслы, он стоит против них самым бдительным стражем. Польские магнаты видели всю необходимость от него избавиться, и они скоро достигли цели» [1, с. 833]. Это мнение разделял и Я.К. Грот: «Действительно, нет никакого сомнения, что польская интрига главным образом способствовала к окончательной опале Державина, но приписать его падение исключительно стараниям партии Чарторыйского можно бы только в таком случае, если бы он, противопоставив ей, не раздражал в то же время самого императора своими противоречиями и настойчивостью» [1, с. 833].

После отставки Державин сосредоточился на литературной и общественной деятельности, причем сделал исключительно много для становления русской консервативной «партии». Пик его деятельности в консервативном лагере пришелся на 1807–1812 гг. Это было время, пишет М.Ш. Файнштейн, когда «неудачи во внешней политике (Аустерлиц, Тильзит) вызвали огромный прилив патриотических настроений. Россия обратилась к поискам национальных ориентиров, способных консолидировать общество вокруг престола. Их стержень видели в прошлом от древности до екатерининского времени». В этих общественных исканиях одной из главных интеллектуальных сил стала Российская академия, в которой в роли главных «радетелей национально-патриотических идей», вызывающих в обществе понимание и уважение, были А.С. Шишков и Г.Р. Державин [10]. По их инициативе, на основе ряда членов Академии, возникло литературное объединение русских консерва-

торов, ядро которого составляли т. н. литераторы-«архаисты» – «Беседа любителей русского слова».

Предыстория «Беседы» началась в январе 1807 г., когда Шишков предложил Державину организовать еженедельные литературные вечера, которые стали проходить с февраля того же года, по субботам, поочередно на квартирах у Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, И.С. Захарова и А.С. Хвостова. В «Записках современника» С.П. Жихарева Державин, наряду с Шишковым, выступает как второй по значению инициатор создания «Беседы»: Шишков «очень долго толковал о пользе, какую бы принесли русской словесности собрания, в которые бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтения своих произведений, и предлагал Гаврилу Романовичу (Державину. – *А. М.*) назначить вместе с ним попеременно, хотя по одному разу в неделю, литературные вечера, обещая склонить к тому же Александра Семеновича Хвостова и сенатора Ивана Семеновича Захарова, которых дома и образ жизни представляли наиболее к тому удобств. Бог весть как обрадовался этой идее добрый Гаврила Романович и просил Шишкова устроить как можно скорее это дело» [11].

На заседаниях «Беседы» читали свои произведения помимо Державина, И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, С.А. Шихматов и др., причем разговоры велись не только о литературе, но и о текущей политике. Так, С.П. Жихарев, описывая первое заседание «Беседы» 2 февраля 1807 г., сообщал: «Долго рассуждали старики о кровопролитии при Эйлау и о последствиях, какие от нашей победы произойти могут <...> Кикин и Писарев с жаром доказывали, что надобно продолжать войну <...> а Лабзин с Хвостовым возражали, что теперь-то именно и должно хлопотать о заключении мира <...> Время проходило, а о чтении не было и речи». Вечер 9 февраля у Державина начался чтением его стихов «На выступление в поход гвардии»; Марин в этот же день после ужина читал свои стихи «На современные происшествия». Кроме того, рассуждали о «вольтерианцах» XVIII века, говорили о П.М. Дашкове, «много благодеествовавшем под рукою бедным дворянам», о положении дел в армии. В дневнике Жихарева от 17 февраля 1807 г. читаем: «Вчерашний вечер у И.С. Захарова не похож

был на вечер литературный. Кого не было! Сенаторы, обер-прокуроры, камергеры, даже сам главнокомандующий С.К. Вязьмитинов» [11, с. 139]. На заседании 9 марта много и долго беседовали об армии, о назначениях по армии, об отправлении в армию царя и т. д. На заседании 16 марта 1807 г. «разговаривали прежде о политике, об отъезде государя, о Сперанском, которому предсказывают блестящую будущность, о генерале Тормасове, которого вчера пред самым отъездом государь назначил рижским военным губернатором, о дюке де Сера Каприола, известном ненавистью своею к Бонапарте, но после перешли опять к литературе и театру» [11, с. 195].

Дружеские собрания постепенно принимали организационные формы. Идея окончательно преобразовать чтения в публичные и оформить их юридически возникла в 1810 г. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, замысел создания публичных чтений совпал с приходом в Петербург известия о том, что Н.М. Карамзин в Твери у великой княгини Екатерины Павловны читал свою историю и еще какое-то другое произведение императору Александру (имелась в виду «Записка о древней и новой России». – *А. М.*) [12, 13]. Первым эту идею высказал князь Б.В. Голицын, «разумевший больше по-французски, нежели по-русски, но любивший однакож и свой язык». Идею Голицына поддержали Державин и Шишков.

Первое торжественное заседание «Беседы» и первые чтения последовали 14 марта 1811 г. в доме Державина, который для собраний заново отделал обширный зал и пожертвовал на 3 тыс. руб. книги для библиотеки «Беседы». А.С. Шишков добился того, чтобы на первое заседание был приглашен сам император Александр I (правда, он так и не появился). К первому заседанию «Беседы» композитор Д.С. Бортнянский, близкий к императрице Марии Федоровне, по предложению Державина написал поздравительную кантату «Сретение Орфеем солнца», которая была исполнена по намеченной программе певчими из придворной капеллы. Существует мнение, что вдовствующая императрица Мария Федоровна покровительствовала кружку Шишкова–Державина и разделяла их консервативные убеждения. В ее дворце в Павловске бывали и читали свои произведения члены этой литературной группы [14].

В записках А.С. Стурдзы подробно описаны бытовые детали заседаний «Беседы»: «В уроченные дни поэты и прозаики, писатели заслуженные и новички начали съезжаться в дом Гаврила Романовича, затейливый и своеобразный. Беседа имела свои частные и публичные заседания. Сии последние бывали по вечерам и отличались присутствием многих посторонних слушателей, допускаемых туда по билетам. Зала средней величины, обставленная желтыми под мрамор красивыми колоннами, казалась еще изящнее при блеске роскошного освещения. Для слушателей вокруг залы возвышались уступами ряды хорошо продуманных седалищ. Посреди храмины муз поставлен был огромный продолговатый стол, покрытый зеленым тонким сукном. Около стола сидели члены Беседы под председательством Державина, по мановению которого начиналось и перемежалось занимательное чтение вслух, и часто образцовое» [15].

Организация общества была тщательно продумана. «Беседа» первоначально состояла из 24 действительных членов и из члено-сотрудников, «кои на убылые места поступают в действительные члены» [16]. Для соблюдения порядка в чтениях она разделялась на четыре разряда. Председателями 1–4 разрядов были назначены соответственно А.С. Шишков, Г.Р. Державин, А.С. Хвостов и И.С. Захаров. Кроме председателя в каждом разряде было еще по пять действительных членов. Над председателями во главе каждого разряда были поставлены попечители: П.В. Завадовский, Н.С. Мордвинов, А.К. Разумовский и И.И. Дмитриев (первый – бывший, а остальные – действующие министры). К числу действительных членов к «Беседе» принадлежали И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Оленин, Д.И. Хвостов, А.Ф. Лабзин, А.А. Шаховской, П.А. Кикин и др. В числе 33 почетных членов были главнокомандующий С.К. Вязмитинов, Ф.В. Ростопчин, М.М. Философов, О.П. Козодавлев, П.И. Голенищев-Кутузов, А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, В.А. Озеров, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, А.И. Мусин-Пушкин, Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Вологодский Евгений Болховитинов. В списке сотрудников значились С.П. Жихарев, Н.И. Греч и др. Император

Александр I ни разу не появился на заседаниях общества, несмотря на настойчивые приглашения.

Подобного рода «плюралистический» состав «Беседы», состоявшей из лиц, принадлежавших к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, ранее зачастую находившимся друг с другом во враждебных отношениях (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, М.М. Сперанский, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков, П.И. Голенищев-Кутузов и т. д.), заставляет предположить, что одной из недекларируемых целей «Беседы» было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции.

Литературная деятельность «Беседы» зачастую оценивалась весьма низко. Современный и наиболее авторитетный исследователь деятельности «Беседы» М.Г. Альтшуллер совсем иначе охарактеризовал ее основной состав: «Самый беглый взгляд на список членов «Беседы» <...> не позволяет рассматривать общество как сборище бездарностей и тупых реакционеров. Перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Во главе «Беседы» стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно присутствовавший на заседаниях И.А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунин, Гнедич (формально к «Беседе» не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.» [14, с. 57-58]. На собраниях «Беседы» зачастую присутствовала «практически вся столичная интеллигенция» [14, с. 7]. Она пользовалась демонстративной поддержкой православной церкви; так, в январе 1812 г. «Беседу» посетили все члены Св. Синода [5, с. 227]. Во время войны собрания прервались, но после войны продолжились. Заседания «Беседы» собирали до нескольких сот человек.

Именно благодаря своей деятельности в «Беседе» единомышленник и друг Державина Шишков получил накануне Отечественной войны 1812 г. пост секретаря Государст-

венного совета, на котором блестяще выполнил роль главного «ритора», идеолога и пропагандиста войны. Однако вслед за этим роль и значение «Беседы» начинает падать. В 1813 г. Шишков получил пост президента Российской академии. Поскольку после победы над наполеоновской Францией проблема галломании утратила остроту, он явно охладил к деятельности «Беседы». Самое же главное – в условиях, когда Александр I взял курс на создание общехристианского государства и экуменический курс в конфессиональной политике, значение «Беседы» неизбежно должно было резко уменьшиться. В 1816 г. вслед за смертью Г.Р. Державина, который скончался 9 июля 1816 г. в деревне Званка Новгородского уезда Новгородской губернии, «Беседа» прекратила свое существование.

Все вышеизложенное позволяет однозначно утверждать, что взгляды и политическая практика зрелого Державина свидетельствуют, что он разделял ряд основных концептов складывающегося консерватизма (необходимость крепкой самодержавной власти, ограничивающей интересы западнически и космополитически настроенной высшей аристократии, отрицание либеральных преобразований, защита сословного деления общества и крепостного права, борьба с западничеством в форме галломании, поиски самобытного пути развития России в сфере культуры, русский национализм, который особенно рельефно проявился в его отношении к польскому и еврейскому вопросам) и последовательно проводил их в своей государственной и общественной деятельности, являясь, таким образом, одним из отцов-основателей русского консерватизма, наряду с Н.М. Карамзиным, А.С. Шишковым, Ф.В. Ростопчиным и С.Н. Глинкой.

1. Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880.
2. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. М., 1980. С. 111.
3. Мнение о правах, преимуществах и существенной должности Сената, 1801 // Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1872. Т. 7 С. 344.
4. Коркунов Н.М. «Проект устройства Сената» Г.Р. Державина. СПб., 1896. С. 16.
5. Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1872. Т. 6. С. 788.
6. Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 243.
7. Антисемитизм. М., 2002. С. 145-146.
8. Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. М., 2000. С. 205-206.
9. Иконников В.С. Г.Р. Державин в своей государственной и общественной деятельности. Петроград; Киев, 1917. С. 40.
10. Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. Москва; Санкт-Петербург, 2002. С. 43.
11. Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 85.
12. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 276.
13. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1902. Т. 1. С. 234.
14. Альтишуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 168.
15. Стурдза А.С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Кн. 1. № 21. Ноябрь. С. 5.
16. Хвостов Д.И. Записки о словесности // Литературный архив. Москва; Ленинград, 1938. Вып. 1.

Поступила в редакцию 20.05.2010 г.

UDC 947+92

Arkadiy Yuryevich Minakov, Voronezh State University, Voronezh, Russia, Candidate of History, Associate Professor of History Department; Zone Scientific Library of VSU, Director, e-mail: minak.arcady2010@yandex.ru

The article represents intellectual and political biography of G.R. Derzhavin as a representative of early Russian conservatism during the reign of Alexander I. The political role of Derzhavin in the first years of 19 century, his project of reorganization of Senate, his attitude to Polish and Jewish questions, his role in making and activity of first literary association of Russian conservatives – “The Symposium of the Lovers of the Russian Word”

Key words: G.R. Derzhavin; Russian conservatism; Polish and Jewish questions; The Symposium of the Lovers of the Russian Word.